

Л.А.Трахтенберг

ЭЗОПОВСКИЕ СЮЖЕТЫ В БАСНЯХ Н.В.ЛЕОНТЬЕВА

«Басни» (1766) — самое известное в свое время произведение Н.В.Леонтьева (1739—1824), забытого сегодня поэта второй половины XVIII века. В работе показано, что сюжеты пяти басен в этой книге восходят к Эзопу. Источником четырех из них служит книга «Езоповы басни» — русская версия сборника Р.Летранжа (1692), созданная С.С.Волчковым (1747) на основе немецкого перевода-посредника (1714). Еще один сюжет заимствован, по-видимому, из сборника «Эзоповы притчи», несколько раз издававшегося на протяжении Петровской эпохи. В работе не рассматриваются эзоповские сюжеты в версиях Ж.Лафонтена, поскольку их источниками Леонтьеву служат произведения французского баснописца. Показано, что все сюжеты, заимствованные из сборников эзоповских басен, Леонтьев трансформирует. Изменения происходят на всех уровнях: персонажей, сюжета, идеи. В трех баснях: «Неблагодарный заяц», «Лисенок», «Лисица, заяц и волк» — сюжет в целом тот же, что у Эзопа, но персонажи иные; в последней басне меняется даже количество действующих лиц. При этом мораль в баснях «Неблагодарный заяц», и «Лисица, заяц и волк» остается прежней, а в басне «Лисенок» меняется. В двух баснях: «Пчелы» и «Орел и черепаха» — сюжет новый, но в его основу положена исходная ситуация эзоповской басни. Система персонажей при этом сохраняется. Мораль изменена, но в ней чувствуется влияние образца. Из сказанного видно, что эзоповские басни Леонтьев рассматривает не как канонические образцы, требующие точной передачи, а как материал для самостоятельной разработки.

Ключевые слова: XVIII век, античные традиции в русской литературе, басня, поэтика, сюжет, трансформация

Николай Васильевич Леонтьев (1739—1824) — русский поэт второй половины XVIII века (см. о нем: [0]). Современники встречают его сборник стихотворных басен (1766) сочувственными отзывами [2, с. 21; 3, с. 116]. Однако сегодня он забыт; его басни остаются практически неизученными. В частности, не исследованы источники их сюжетов.

Как известно, образцами стихотворной разновидности жанра в XVIII веке считаются басни Ж.Лафонтена. Их канонический статус подтверждает А.П.Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» [4, с. 122]; он же во многих баснях подражает Лафонтену (см.: [5]), и другие русские баснописцы следуют за ним. Не составляет исключения и Леонтьев: некоторые басни его сборника, в том числе на эзоповские сюжеты, представляют собой подражания Лафонтену. Это, например, басни «Мужик и его дети» [6, с. 55-56, № 35] (см.: [7, р. 123, liv. V, fab. 9; 8, р. 428-429, № 42]) и «Осел и лошадь» [6, с. 57-58, № 37] (см.: [7, р. 144-145, liv. VI, fab. 16; 8, р. 456, № 181] (В сборниках XVIII века, в частности у Леонтьева, басни, как правило, пронумерованы. Далее при ссылках после страниц указываются эти номера — Л. Т.).

Однако некоторые басни Леонтьева восходят к таким сюжетам Эзопа, которых у Лафонтена нет. Притом сюжеты источника подвергаются формальным и содержательным преобразованиям. Задача работы — выявить эти басни и показать, каким образом Леонтьев трансформирует эзоповские образцы.

Все выявленные басни Леонтьева, где разрабатываются сюжеты Эзопа, отсутствующие у Лафонтена, за единственным исключением находят соответствие в сборнике «Езоповы басни», впервые вышедшем в типографии Петербургской Академии наук в 1747 г. [9] и переизданном в 1760 г. значительным для XVIII века тиражом в 2433 экземпляра (см.: [10, с. 423, № 8550]). Эта книга — перевод сборника басен Эзопа в версии английского писателя Р. Летранжа, выполненный С.С.Волчковым. Оригинал (в понимании В.Д.Рака [11, с. 7]) Волчкову служит не английский текст Летранжа, а перевод на немецкий язык, вышедший в 1714 г. (см.: [12, с. 15]).

Исключение составляет басня Леонтьева «Орел и черепаха» [6, с. 38-39, № 24], в которой, как будет показано далее, используются мотивы басни Эзопа с теми же персонажами [8, р. 466, № 230]. Этого сюжета в сборнике Волčkova нет. Однако он есть в сборнике «Эзоповы притчи», несколько раз печатавшемся на протяжении Петровской эпохи (см., например, в петербургском издании 1717 г.: [13, с. 23-24, № 12]).

Представляется наиболее вероятным, что именно эти издания служат Леонтьеву источниками сюжетов. Разумеется, не исключено, что Леонтьев, владея иностранными языками, знакомится с сюжетами античных басен по каким-то другим книгам. Однако можно думать, что наиболее доступны ему все же русские издания. С большей уверенностью это можно сказать о переводе Волčkova, переизданном крупным тиражом лишь за шесть лет до выхода сборника Леонтьева, то есть, очевидно, находящемся в продаже в то время, когда тот приступает к работе над своими баснями.

Примером трансформации эзоповского сюжета может служить басня Леонтьева «Неблагодарный заяц» [6, с. 51-52, № 32]. В ней заяц, скрываясь от охотников, прячется на огороде в капусте. Спокойно проведя в ней три дня, он начинает есть капусту. Гряды редее; хозяин огорода замечает недостачу, зовет охотников, и те убивают зайца.

Источник этого сюжета — басня «Коза с виноградным деревом» [9, с. 411-412, № 142] (см.: [8, р. 435, № 77]). Персонаж в ней другой, но события те же. Дикая коза, за которой гонятся собаки, прячется под

листьями винограда. Когда звук гоньбы стихает, коза, подумав, что бояться больше нечего, начинает есть листья. Но охотники, заметив шум и движение винограда, понимают, что коза прячется там; один из них стреляет в нее, и она погибает.

Мораль у Леонтьева та же, что в сборнике Летранжа, переведенном Волчковым: басня учит быть благодарным. Различие в том, что у Леонтьева мораль предстает в положительной форме: «Читатель! Надобно любить и почитать / Тех, кои нам добро стараются являть» [6, с. 52], тогда как у Волčkova — в отрицательной: «Неблагодарность вере с верностью и обществу жития человеческого противна» [9, с. 412].

Сходным образом Леонтьев трансформирует сюжет Эзопа в басне «Лисенок» [6, с. 41, № 26]. Баснописец рассказывает о том, как мужик, найдя в лесу лисенка, приносит его домой и выкармливает. Тот кажется ласковым, но, когда он подрастает, природа берет свое: он пробирается в курятник и съедает трех птиц. Мужик в наказание бьет зверя, но тот не усваивает урока: в этот же день он убивает всех оставшихся кур. Тогда мужик убивает лисенка.

Источником Леонтьеву служит басня «Овчар с волчком» [9, с. 422-423, № 147] (см.: [8, р. 462, № 209]). В ней пастух забирает у волчицы в лесу детеныша и кормит вместе со щенятами. Поначалу волчонок, как собака, бегает за хозяином, но затем начинает хватать кур и гусей, а потом тащит в лес барашка; пастух догоняет его и убивает.

В отличие от басни «Неблагодарный заяц», в данном случае Леонтьев меняет мораль. Именно для этого на место волка он ставит другого зверя — лисицу. В трактовке Летранжа, переданной Волчковым, смысл басни в том, что дурной человек никогда не исправится. Это характерная для эзоповской традиции идея, которая высказывается во многих баснях [14, с. 117]. Леонтьев же, разрабатывая устойчивый басенный образ лисицы с ее главным качеством — хитростью, иллюстрирует этим сюжетом мысль о том, что умный человек не обязательно честен: «Умом сердца людей никто отнюдь не меря» [6, с. 41].

Близок образцу сюжет басни «Лисица, заяц и волк» [6, с. 58-59, № 38]. В ней заяц, ища защиты от лисы, отправляется к волку, но тот убивает его. В эзоповском сборнике есть басня «Ястреб, сокол и голуби» [9, с. 125-126, № 20] (см.: [8, р. 520, № 486]). Здесь голуби обращаются к соколу, чтобы он защитил их от ястреба. Тот соглашается и убивает еще больше голубей, чем ястреб. Как и в предыдущих примерах, заменены персонажи, но в целом сохранена сюжетная канва. В отличие от басен «Неблагодарный заяц» и «Лисенок», меняется количество действующих лиц: заяц один, тогда как голуби — коллективный образ. Но смысл в целом остается прежним. Как и Эзоп, Леонтьев учит читателя не доверять злодею.

Некоторое сходство связывает басню Леонтьева «Пчелы» [6, с. 10-11, № 6] с басней Эзопа «Пчельник» [9, с. 442-444, № 156] (см.: [8, р. 434, № 72]). Тема басни Леонтьева — отношения помещика, приказчиков и крепостных, которых аллегорически представляют соответственно мужик, его работники и пчелы. Мужик разводит пчел. Пока он смотрит за ними сам, дела идут хорошо. Но ульев становится много, и он нанимает работников. Те оказываются плутами: они обкрадывают хозяина, забирая из ульев весь мед и ничего не оставляя на зиму. Пчелы хотят жаловаться хозяину, но работники, чтобы не допустить этого, заколачивают ульи. Весной мужик обнаруживает, что все пчелы погибли.

В эзоповской басне рассказывается о том, что в отсутствие владельца воры забирают из ульев мед. Когда он возвращается, пчелы набрасываются на него и жалят. Он сетует на их несправедливость, говоря: «Посторонних, ульи ваши обокравших, воров вы не замали, а господина своего за то жалите, что он думает и старается, как бы вас опять в доброе состояние привести» [9, с. 443-444].

В двух баснях сходен состав персонажей: хозяин, пчелы и воры. Близки завязки (хозяин богат, у него много ульев) и развитие действия (воры крадут мед). Однако различны развязки и, соответственно, морали. Проблематика басни Эзопа психологическая: он обличает тех, кто несправедлив к своим друзьям. В басне Леонтьева проблематика социальная: он осуждает управляющих, которые разоряют и крестьян, и помещиков. Вместе с тем, как и в оригинале, хозяину пчел Леонтьев сочувствует, хотя, в отличие от эзоповской, в его басне мужика есть за что винить: ведь здесь воры — это работники, которых он сам нанимает. Впрочем, это сочувствие объясняется прежде всего общественной позицией Леонтьева: сам дворянин, он не склонен возлагать на помещиков ответственность за бедственное положение крепостных.

Наконец, еще более отдаленным следует признать сходство между басней Леонтьева «Орел и черепаха» [6, с. 38-39, № 24] и басней Эзопа с теми же действующими лицами. Как отмечено выше, это единственная эзоповская басня, источником которой Леонтьеву служит не перевод Волčkova, а, вероятно, одно из изданий Петровской эпохи.

Сюжет у Леонтьева такой. Черепаха видит высокий кедр и говорит, что если бы она была птицей и смогла взлететь на вершину дерева, то очутилась бы на небе. Орел, слыша это, отвечает, что если бы она подобно ему умела летать высоко в небе, то сам кедр показался бы ей маленьким.

В басне Эзопа, напечатанной в издании начала XVIII века под названием «Желвь (попросту черепаха) и орел» [13, с. 23-24, № 12], черепаха просит орла научить ее летать. Он отговаривает ее, но черепаха настаивает. Тогда орел берет ее в когти, взлетает и бросает с высоты. Черепаха падает на камень и разбивается.

В этом случае сюжетное сходство ограничивается персонажами и идеей, положенной в основу завязки. В обеих баснях противопоставлены орел и черепаха, которая мечтает взлететь. Развитие сюжета и развязки не имеют между собой ничего общего.

Различны и идеи. В сборнике Петровской эпохи мораль такова: «Притча знаменует многих, которые разумных людей не слушали и погибли от безумия своего» [13, с. 24]. Леонтьев же смеется над невеждами, не знающими подлинной цены вещам. Но все же на идейном уровне есть и некоторое сходство. В основе морали обеих басен одна и та же аллегория: черепаха изображает глупца, стремящегося к тому, что выше его сил. Такое истолкование образа черепахи характерно не для всей эзоповской традиции, а именно для этого сюжета. В басне о зайце, уступившем черепахе в беге [9, с. 378-380, № 127] (см.: [8, р. 465, № 226]), ее образ, наоборот, положительный.

Сопоставление басен Леонтьева на эзоповские сюжеты с их источниками позволяет прийти к следующему выводу. Сюжеты, взятые из сборников Эзопа, Леонтьев всегда трансформирует — в отличие от басен Лафонтена, которые он иногда переводит. Трансформация может затрагивать все уровни организации текста: образы, сюжет, мораль. В трех баснях сюжет остается в основе своей тем же, что в источнике, в двух других — существенно изменяется.

Три басни первой группы — «Неблагодарный заяц», «Лисенок», «Лисица, заяц и волк». В басне «Неблагодарный заяц» персонажи не те, что в источнике, но сюжет и мораль сохранены. В басне «Лисенок» заменен центральный персонаж, сохранен сюжет, однако изменена мораль. В басне «Лисица, заяц и волк» не только новые по сравнению с образцом персонажи — меняется их количество, но при этом сюжет в основе своей тот же, и мораль остается прежней.

Вторую группу составляют басни «Пчелы» и «Орел и черепаха». За основу в них берется ситуация, данная в образце, но сюжет создается новый. Мораль также новая, но в ней в обоих случаях ощутимо воздействие текста-источника.

Такой подход к источнику означает, что в эзоповской традиции для Леонтьева важен не текст, а сюжет. Эзоповские басни он воспринимает не как канонические произведения, которые надо передавать в неизменном виде, а как материал для оригинального творчества.

1. Степанов В.П. Леонтьев // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К—П). СПб.: Наука, 1999. С. 205-207.
2. Немецкое известие о русских писателях (1768) / Сообщил М.Л.Михайлов. М.: Тип. Грачева и комп., 1862. 44 с.
3. Новиков Н. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1772. [13], 264 с.
4. Сумароков А.П. Избранные произведения / Вступ. ст., подг. текста и примеч. П.Н.Беркова. Л.: Советский писатель, 1957. 608 с. (Библиотека поэта).
5. Заусцинский К. Басни Сумарокова // Варшавские университетские известия. 1884. № 3. Отд. IV. С. 1-32; № 5. Отд. III. С. 33-126.
6. Леонтьев Н. Басни. СПб.: при Шляхетном сухопутном кадетском корпусе, 1766. [8], 67 с.
7. La Fontaine J. Œuvres complètes. I. Fables, contes et nouvelles / Préface par E.Pilon et R.Groos; texte établi et annoté par R.Groos (fables) et par J.Schiffirin (contes). [Paris]: Gallimard, 1954. XVI, 877 p. (Bibliothèque de la Pléiade. Vol. 10).
8. Babrius and Phaedrus: newly edited and translated into English, together with an historical introduction and a comprehensive survey of Greek and Latin fables in the Aesopic tradition by B.E.Perry. London: William Heinemann, Ltd; Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1965. CII, 634 p. (Loeb Classical Library. Vol. 436).
9. Эзоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа вновь изданные, а на российский язык переведены... Сергеем Волчковым. СПб.: Печ. при Акад. наук, 1747. [2], 515 с.
10. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. Т. 3: Р—Я. М.: Книга, 1966. 514 с.
11. Рак В.Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. Иностранные источники, состав, техника компиляции. СПб.: Гуманит. агентство «Академический проект», 1998. 334 с.
12. Николаев С.И. «И мы яблока плывем» (из фразеологии журнальной полемики 1769 г.) // Аониды: Сб. ст. в честь Н.Д.Кочетковой. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. С. 7-16.
13. Эзоповы притчи. СПб., 1717. 2, 76, 2, 82 с.
14. Гаспаров М.Л. Сюжет и идеология в эзоповских баснях // Вестник древней истории. 1968. № 3(105). С. 116-127.

References

1. Stepanov V.P. Leont'ev. Slovar' russkikh pisateley XVIII veka [Dictionary of Russian 18th-century writers]. Iss. 2, St. Petersburg, 1999, pp. 205-207.
2. Nemetskoe izvestie o russkikh pisatelyakh [German article about Russian writers] (1768), ed. by M.L.Mikhaylov. Moscow, 1862. 44 p.
3. Novikov N. Opyt istoricheskogo slovaryia o rossiyskikh pisatelyakh [An attempt at an historical dictionary of Russian writers]. St. Petersburg, 1772. [13], 264 p.
4. Sumarokov A.P. Izbrannye proizvedeniya [Selected works], preface, text preparation and commentary by P.N.Berkov. Leningrad, 1957. 608 p.
5. Zaustsinskiy K. Basni Sumarokova [Sumarokov's fables]. Varshavskie universitetskie izvestiya, 1884, no. 3, section IV, pp. 1-32; no. 5, section III. pp. 33-126.
6. Leont'ev N. Basni [Fables]. St. Petersburg, 1766. [8], 67 p.
7. La Fontaine J. Œuvres complètes. I.Fables, contes et nouvelles; préface par E.Pilon et R.Groos; texte établi et annoté par R.Groos (fables) et par J.Schiffirin (contes) [Complete works of La Fontaine, Volume I: Fables, tales and short stories]. Paris, 1954. XVI, 877 p.
8. Babrius and Phaedrus: newly edited and translated into English, together with an historical introduction and a comprehensive survey of Greek and Latin fables in the Aesopic tradition by B.E.Perry. London, William Heinemann, Ltd; Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1965. CII, 634 p.
9. Ezopovy basni s нравоучением i primechaniyami Rozhera Letranzha vnov' izdannye, a na rossiyskiy yazyk perevedeny... Sergeem Volchkovym [Aesop's fables newly published with morals and reflections by Roger L'Estrange and translated into Russian by... Sergei Volchkov]. St. Petersburg, 1747. [2], 515 p.
10. Svodnyy katalog russkoy knigi grazhdanskoй pečati XVIII veka [Consolidated catalogue of Russian civil type books of the 18th century].

- 1725—1800. Vol. 3, Moscow, Kniga Publ., 1966. 514 p.
11. Rak V.D. Russkie literaturnye sborniki i periodicheskie izdaniya vtoroy poloviny XVIII veka. Inostrannye istochniki, sostav, tekhnika kompilyatsii [Russian literary collections and periodicals of the second half of the 18th century. Foreign sources, contents, compilation technique]. St. Petersburg, 1998. 334 p.
 12. Nikolaev S.I. "I my yabloka plyvem" (iz frazeologii zhurnal'noy polemiki 1769 g.) ["And we apples swim" (from the phraseology of magazine polemics of 1769)]. Aonidy: Sbornik statey v chest' N.D.Kochetkovoy. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ, 2013, pp. 7-16.
 13. Esopovy pritchi [Fables of Aesop]. St. Petersburg, 1717. 82 p.
 14. Gasparov M.L. Syuzhet i ideologiya v ezopovskikh basnyakh [Plot and ideology in Aesop's fables]. Vestnik drevney istorii, 1968, no. 3(105). pp. 116-127.

Trakhtenberg L.A. Aesopian plots in N.V.Leontiev's fables. Among the works of Nikolai Leontiev (1739—1824), an 18th-century Russian poet now forgotten, "Fables" (1766) was best known by his contemporaries. The article shows five of his fables to be based on Aesopian plots. The source of four of them is the book "Fables of Aesop", a Russian version of Roger L'Estrange's collection (1692) created by Sergei Volchokov (1747) on the basis of a German intermediary translation (1714). One more plot is most probably taken from the collection of "Aesop's Fables", reprinted several times in the age of Peter the Great. Aesopian plots in Jean de La Fontaine's versions are not taken into account in this study, as in these cases Leontiev deals not with such collections but with the texts of the French fabulist. All Aesopian plots are shown to be profoundly transformed by Leontiev. He changes them at all levels: characters, plot; and ideas. In three fables: The Ungrateful Hare, The Fox Cub, and The Fox, the Hare and the Wolf, the plot stays mostly the same as in Aesop, but the characters change; in the latter fable even the number of characters changes. As for the moral, in The Ungrateful Hare and The Fox, the Hare and the Wolf, it remains the same as in the source text, while in The Fox Cub, it is altered. In two fables: The Bees and The Eagle and the Turtle, there is a new plot, but it is based on the initial situation of the Aesopian prototype with almost the same characters. The moral changes, but one still feels the influence of the source text. This leads to the conclusion that Leontiev views Aesop's Fables not as canonic examples that require precise rendering but as material to work with, to be developed by his own poetic imagination.

Keywords: the 18th century, classical traditions in Russian literature, fable, poetics, plot, transformation.

Сведения об авторе. Лев Аркадьевич Трахтенберг — доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова; ORCID: 0000-0002-4345-0955; Lev_A_T@inbox.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.11.2021. Принята к публикации 20.11.2021.

Ссылка на эту статью: Трахтенберг Л.А. Эзоповские сюжеты в баснях Н.В.Леонтьева // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6(39). С. 723-726. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.6(39).723-726

For citation: Trakhtenberg L.A. Aesopian plots in N.V.Leontiev's fables. *Memoirs of NovSU*, 2021, no. 6(39), pp. 723-726. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.6(39).723-726